

Александр Тюрин

Черный берет и чудище морское

Александр Тюрин

Черный берет и чудище морское

«Автор»

2013

Тюрин А. В.

Черный берет и чудище морское / А. В. Тюрин — «Автор», 2013

ISBN 978-5-457-60884-9

"Там, где мы, там – победа", таков девиз русской морской пехоты. Однако морпеху – герою произведения, чтобы победить, пришлось стать кем-то еще.

ISBN 978-5-457-60884-9

© Тюрин А. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Вечернее купание	5
Переезд	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Тюрин

Черный берет и чудище морское

Вечернее купание

В Одессе, родном городе Ивана Лазаревича, любили каверзные вопросы: «А ты хочешь стать лёдчиком?» – представители этой профессии развозили лёд на тележке, но её название звучало на слух весьма представительно.

Ваня хотел быть летчиком, как папа, и не только, еще моряком, танкистом и даже каким-нибудь животным, китом, например, или морским змеем, почему нет. Наверное, с тех пор, как отец, в 70-е испытывавший экранолет ВВА-14, познакомил маленького Ваню Лазаревича с Робертом Бартини. Роберт Людвигович мог быть авиаконструктором только в стране мечтателей, в СССР. У себя на старой родине, в Италии, он, скорее всего, трудился бы фокусником в цирке. Неизвестно, получил ли он вообще инженерное образование, по крайней мере, сам чертежи не делал, однако был техновизионером высокого уровня. А еще был он создателем гипотетического «мира Бартини», в котором помимо трех пространственных координат, имеются еще три временные.

Ване Лазаревичу было лишь семь, когда папа случайно встретил Бартини на Французском бульваре. Конечно, запомнилось то, что у Роберта Людвиговича очень странный взгляд. Это потому что не сужаются зрачки, затем объяснил папа. А Ваня тогда подумал – как у морского змея. Отложились в памяти и другие слова змея-конструктора, хотя никакого особого значения мальчишка им тогда не придавал...

«Мы можем быть кем-то еще, – говорил Бартини, обращаясь, конечно, не к Ване, а к своему другу Аркадию, но поглядывая и на мальчика проницательным змеиным взглядом. – Кем-то, с другой судьбой. Каждую секунду мы выбираем новый путь, но и старый путь не исчезает совсем. И мы можем вернуться на него снова, в какой-то точке, в некий момент. Даже если мы сошли с него сто миллионов лет назад. Этим и объясняется, что любая тварь несет набор генов, большинство из которых будто не надобно, а на самом деле – это запаска для другого варианта пути...»

«А-а, гены... У меня Генка есть приятель, надо будет ему рассказать, пока он в крокодила не превратился», – отозвался Ваня, вызвав ржание взрослых.

«Роберт, мы тебя заждались», – окликнули приятные дамы, которыми змей-конструктор всегда был окружен.

«Ну, будь здоров, Аркадий. Еще летаем».

Бартини пожал руку Ваниному отцу, поцеловал Ваню в макушку – впечатлительному мальчику показалось в этот момент, что у него по позвоночнику проползла змейка – и пошел по бульвару, прямая спина, гордый профиль, ноль-внимания на щебет дам.

Собственно и без всякого Роберта Людвиговича Ваня Лазаревич обладал очень неплохим воображением. Однако змеиный взгляд Бартини что-то изменил. Ваня мог представить себя, к примеру, пилотом, сорвавшимся в штопор и сжимать ложку, как ручку управления самолетом, а потом, «выйдя из штопора», утирать настоящий пот со лба. Или китом. Будто завис он в синей толще воды, которая доносит до него звуки далеких товарищей по мокрому царству, которых он никогда не увидит, принося шепоты и звуки всего могучего тела океана, от его ложа, скрытого в давящем мраке, до бурной поверхности. Или вообще чудищем – тем самым морским змеем. Что, не такая уж мерзкая тварь, а как он орудует хвостом, виртуоз, покруче чем Ойстрах смычком. Погружение в выдумку длится минут пять-семь, а потом...

«Алё, товарищ лейтенант, пора на ужин».

И что видит лейтенант морской пехоты, что он чувствует своей кожей, перенесясь из прохладных океанских глубин на свое место? Что он в Африке, выполняет, как говорят, интернациональный долг. А если без высоких слов, то защищает свою страну на дальних подступах. Лучше это, чем то, что пришлось отцам и дедам – под Ленинградом, Москвой и Одессой.

Температура, как в закупоренной кухне, где на газе стоит еще кастрюля с супом и кофейник, теплую воду шибко могучий дизель-генератор дает раз в сутки на полчаса и вдобавок скучно.

Так, отчет дописан, журнал заполнен, ужин съеден, до отбоя далеко. Можно, конечно, перечитать подборку «Вокруг света» – так ведь уже всю запомнил – или просуммировать интересные идеи из «Техники-Молодежи» за этот год. Дирижабль там из алмазной пленки с тринадцатью пропеллерами. Подводный город, где живут граждане с искусственными жабрами. Экраноплан с футбольное поле, такой, что и до Америки гостинцы довезет. Но дирижабль постепенно превращается в какой-то дурижопль, потом в Анастасию Федоровну, которая лечила ему болезнь невымытых рук как раз в тот год, когда он поступил в военное училище. Она была докторшей со светло-рыжим «хвостиком» и, по совместительству, первой неразделенной любовью Лазаревича (может, если бы хворь оказалась другой, то и любовь была бы разделена, а как можно полюбить человека, у которого анализ кала нехороший?).

Вообще, если на дворе минус тридцать или даже минус двадцать – то побегал по морозцу и фантазия будет рисовать, как бы попить чайку тепленького, с сахаром. А здесь ты сидишь на одном месте, на дворе духота вообще невыносимая и потому начинаешь прорисовывать своим воображением что-то совсем ненужное. Будто докторша Настя наклоняется к тебе, чтобы послушать стетоскопом; ты чувствуешь, как её дыхание встречается с твоей кожей, а на своем лице ощущаешь прядь ее волос да так отчетливо – фиалками пахнут; ты еще говоришь «доктор, я в коме» и она делает тебе искусственное дыхание «рот-в-рот»...

Почему, зачем у него такое яркое выпуклое воображение? Долой, баста! До отбоя еще час, всякая мыслимая и немыслимая работа закончена, как и подготовка личного состава, подчиненные тихо-мирно играют в шашки-шахматы или стоят на КПП, читать все равно нечего.

Зафиксировав отсутствие старших офицеров, Лазаревич подхватил маску и ласты, пустился к морскому берегу через известную немногим дырку в заборе. И единственной пока неприятностью стало то, что на береговом склоне разок поскользнулся и преодолел пару десятков метров на салазках типа задница. Хорошо, хоть «хабэ» не порваны, значит, прямо на себе их и простирнет.

Лейтенант почти с разбега в Атлантику сиганул, только успел кеды на ласты поменять. Здорово, мать вашу, солнышко садится, вода полна ультрамарина, небеса – торжественно-синие с фиолетовыми полосами. Вода же ласковая-ласковая, как ручки докторши Насти.

Лазаревич отплыл метров на двадцать от берега, а глубина тут нарастает быстро, нырнул за морскими диковинами – у него с собой широкий такой ножик, почти мачете – подкопать там коралл или раковинку отрыть. Надеялся, между прочим, жемчужинку для будущей невесты найти; кто знает, может докторша Настя со своим кабаном разведется. Да и вообще, в коллекции явно не хватает ежика-спондилюса и звездочки-ангарии... А потом почувствовал – кто-то над ним. Кто?

Я из Одессы – здарсьте. Детишки, вы не перепутали песочницу? Если нет, то это диверсанты.

Но воздуха у него в легких немного осталось – едва ли еще минуту под водой продержится. Как-то укрылся за напластованием роговых кораллов, но тут повезло. Один из визитеров проплыл над ним, пара метров расстояние: на вид боевой пловец, здоровый лось, точнее

тюлень, американец или юаровец, изолирующий дыхательный аппарат, резиновые мешки – должно быть, с оружием и взрывчаткой; однако в руках ничего похожего на советский АПС¹, только пистолетный НК Р11. В области подводного огнестрела враги пока отстали.

Что ж, товарищ подполковник, я вам потом расскажу, как всё было, если сумею. Морская пехота дрейфить не имеет права, иначе какая ж она черная смерть для супостата?

Лазаревич на политинформациях обычно клевал носом, но результаты работы западных спецслужб в Анголе и Мозамбике видел воочию: куча людей от мала до велика – без рук, без ног. А еще он запомнил фотку из книжки про вымирающих животных, да как у него это обычно происходило, ярко и выпукло – пирамиду смерти из бизоньих черепов. Это янки настреляли, чтобы индейчикам жратвы не осталось, и чтоб они вслед за бизонами – на тот свет. И голубку странствующую из той же книжки, которую те же янки истребляли сотнями миллионами вообще ни за что ни про что.

А вот тебе за голубку сизокрылую и черную девчонку без ножки. Лазаревич нанес «торпедный» удар: резко толкнулся в сторону ближайшего диверсанта, сорвал ему легочный автомат вместе с маской и одним ударом, ножом в горло, отправил к русалкам. Если точнее, поставил на якорь под пластину роговых кораллов, чтобы сразу своих не перепугал. А сам начал всплывать.

Это он, похоже, последнего из вражеской диверсионной группы оприходовал – впереди как раз замаячили четыре резиновые головы, саламандры с виду. Сейчас на бережок пошлепают. Похоже, именно такие «саламандры» уже устроили вечеринку в порту Намиб с поджогом складов горючки и подрывом наших судов, «Капитана Чиркова» и «Капитана Вислобокова».

Что ж, супостаты любят счета выписывать, а вот и мы им квитанцию пришлем. Лазаревич поднырнул и одну «саламандру» снизу за ногу уцепил. Долго вражеский боец не мучился и шепнуть ничего по «Аквакому» не успел, лейтенант ему мигом лезвие под лопатку сунул. А передний диверсант уже урез воды пересек и сразу стал доставать из резинового мешка оружие. Когда он в бесшумный «Грендел» обойму ставил, Лазаревич опередил на выходе из волн морских двух остальных диверсантов. И при том руки как следует расправил. Одному попал по горлу лезвием, другому ребром ладони по шее. И кубарем вперед.

Ухватив переднего диверсанта за щиколотки, опрокинул на землю. Тот резво, как подброшенный пружинкой, вскочил на ноги, вот чёрт нерусский, но ствол его «Грендела» уже был в руках у лейтенанта. Потом случился выстрел, похожий на пшиканье – и брызнув кровью, незванный гость улегся окончательно; сам виноват, зачем давить на курок, если можно в себя попасть? А Лазаревича атаковал последний диверс – видимо, отдышавшись после пропущенного тычка в горло. Прыгнул, как водится у крутых парней, ногой вперед, Чак Норрис этакий, я-а! Но Лазаревич пропустил его над собой, заодно резанув лезвием по паху, и отключил двумя хорошими ударами в череп тем самым «Гренделом». Говно нестойкое, а не оружие – разлетелся на куски. Это вам не киношку про Рэмбо снимать, где достаточно пластмассовых стрелялок и картонных русских.

Оглянувшись на воду, лейтенант увидел несколько пузырьков – похоже, от погружения тела. Значит, был еще один и сейчас он отваливает. Недолго думая, Лазаревич двинулся вдогонку. «Не долго думая» – эти ключевые слова часто подходили к его деяниям, в том числе по мнению старших офицеров.

Не отстает поначалу лейтенант, потому что здесь еще неглубоко и диверсанта он видит. Но метров через пятьдесят теряет «заднюю полусферу» врага из виду, и пузырьков от того нет – ребризер их не дает. У преследователя только дыхательная трубка и маска, несколько

¹ Автомат подводный специальный

раз Лазаревич ныряет, но видимость при заходе солнца не очень, и он как будто насовсем распрощался с целью.

К югу от главного фарватера лежал на дне затонувший сейнер, его топ-мачта из-под воды торчала словно нога утопленника – типа привет от подводного царства. Не зная отчего, но Лазаревич почувствовал «тяготение», дунул к ней и, как следует набрав воздуха, пошел на погружение. Вплыл через мрачноватый проем на капитанский мостик и... словно увидел рыжие волосы покойной мамы и ее изящную ручку, показывает она ему, откуда грозит опасность. Полуобернулся и тут из бывшей штурманской кабинки на Лазаревича бросилось что-то крупное как афалина. Если точнее, здоровенный такой тип, шириной чуть ли не с моржа. Только лейтенант ожидал подвоха, потому вильнул и пенная дорожка пули пролегла рядом с ним, сам подался вперед, руку врага, оснащенную пистолетом, обезвредил ударом своего мачете. Кажется, и палец ему срезал.

Прямо перед ним была полнолицевая маска, за ней глаза человека, наполненные ужасом. Лазаревичу проще было б этого боевого пловца прикончить, а он решил в плен взять и сперва ухватился за его трубку вдоха. Услышал жалобный крик, что под водой на сортирное бульканье был похож, и как-то замешкался. А диверсант, высвободившись, поплыл с мостика уже без мешков. И почти сразу на глубину пошел, лейтенант успел только заметить, что двинулся подранок по направлению к внешнему рейду, где маячили грузовые суда, преимущественно из натовских стран. Попробовал еще догнать, нырнул – показалось, что видит следок крови от улепётывающего гостя – но уже совсем выдохся, стал подниматься, чтобы воздуха набрать.

И вдруг прямо на Лазаревича наплывает судно, форштевнем так и прет. Лейтенант едва успел прыгнуть в сторону – рядом с ним пошла бурая стена борта. Наверное, Лазаревич слишком поздно начал от кормы отплывать, его потянуло к винту – и вдруг осознал лейтенант, что это верные кайки настанут. Его закрутило, словно вермишелину в кипящем супе, потом увидел он лопасть винта в ореоле пузырьков... Возможно, это было до удара. Или после.

Тишина, ни бульканья. Только несколько щелчков, словно провернулись шестеренки или, может быть, позвонки.

Океан изменил цвет, почему-то гиацинтовым стал. Лазаревичу показалось, что смотрит на самого себя, уходящего вглубь. И воду он уже не чувствует, пустота вроде вокруг. Рук-ног тоже не ощущает. Сколько он пробыл в этой пустоте, он и потом сказать не мог. В какой-то момент она утончилась и потрескалась, в нее стали проникать струи.

Лазаревич ощутил кружение мощного тела вокруг себя, почти что вихря. Ему казалось, что проглядываются плавники, гребень и фиолетовое зевое некоего зверя, кружащего вокруг. А, может, он сам был этим зверем. Его прежнее тело исчезло или, может быть, вывернулось наизнанку и появилось другое, которое свилось кольцами и рванулось к поверхности.

Когда Лазаревич пришел в себя – рядом уже шлепали весла от шлюпки. Окончательно очухался уже на ее днище, когда из него полилась воды пополам с рвотой. Кстати, в левой руке он какой-то амулет сжимал – похоже, трофейный, с того «котика» сорвал.

Врач на базе позднее сказал Лазаревичу, что вытащили его из воды почти утопленником – шибко бледным был, даже зеленоватым, пульс едва прощупывался. Металлом все ж его не ударило, иначе б похоронка, но шмякнуло потоком так, что потерял сознание; получил гематомы на всё бедро и на полбока; также в перечне перелом ребра. А если что-то привиделось, то это, сынок, от недостатка кислорода.

Нагоняй от командира, конечно, Лазаревич заработал, ведь даже бойцам из ПДСС, которыми командовал капитан I ранга Пляченко, было запрещено под воду лезть – «чтобы не осложнять международную обстановку» – а тут какой-то морпех решил искупнуться. Но поскольку эти хреновы «коттики» таких бы дел могли понаделать, то, в итоге, награда нашла героя – первый свой орден Лазаревич получил в 22 года.

На трофейном амулете, между прочим, вырезан змей не змей, человек не человек, а что-то среднее. Городницкий, личность эрудированная и многоученная, сказал, что вещица вообще из Южной Азии и изображает нага, человекозмея, способного перемещаться между мирами. От таких, дескать, все древние цивилизации произошли. Возьмем первые города на Ближнем Востоке, что появились на исходе неолита – Городницкий частил, произнося чисто по-питерски слово «что», едва за ним поспеваешь – возьмем Шумер с древнеиндийской цивилизацией, Хараппа-шмараппа, рассмотрим африканские культуры до прихода европейских колонизаторов. И везде он есть, человекозмей, собственной персоной или, на худой конец, присутствует культовое изображение змея, связанного со стихией воды.

А поскольку Городницкий не только лирик, но еще и физик, представитель «Океан-прибора», который занимается установкой в Намибе стационарного гидроакустического комплекса, то пару экспериментов с амулетом провел. Например, попросвечивал (рентгеноструктурный анализ, электронография, нейтронография) и доложил, что это кристалл особый, который может играть роль «атомных часов» – благодаря особой дислокации, то есть перемещающемуся дефекту кристаллической решетки. Так вот эти «часы» останавливалась только раз – на пять секунд. Примерно в то время, когда Лазаревич встретился с судном... А вообще это дело надо специалистам по профилю, в Академию наук отправлять. Городницкий сказал, что и секторный гидролокатор засек одну странность, но тут говорить рано, да и отладка оборудования еще не доведена до конца.

Этот гидроакустический комплекс, кстати, разрабатывался для особо дальней связи с своими подводными силами, а также для обнаружения всяких вредных мокриц, подплывающих к берегу, с точным указанием пеленга и дистанции. Засёк и бери тепленьким, вернее мокреньким, или на худой конец, брось ему на головку гранату. Так что, когда будет всё налажено, ни один гад не прошмыгнет к берегу – ты спокойно спишь, а служба идет.

Переезд

По информации, полученной от друзей, те парни, которых наняло ЦРУ, должны были пожаловать с недружественным визитом на русскую базу в четыре часа ночи; совсем, получается, скоро. Командование обратилось было за подмогой к губернатору провинции, но бывший товарищ, а нынче господин Лупо велел не беспокоить; значит, есть у него уже счет в офшоре под сенью британской короны и это надо отрабатывать.

В общем, предстояло как-то наймитов крупного капитала опередить, без какой-либо подмоги. Успеть вывезти демонтированную аппаратуру гидроакустического комплекса на несколько сот кило весом. Это включало: уложить по-быстрому в ящики, запихнуть в минивэн, размером с Рафик, и доставить на причал порта Намиб, к которому ненадолго должен пришвартоваться корабль ЧФ² со скромным именем «Гидролог», пока что собирающий секторные гидролокаторы по периметру охраняемой акватории. На всё про всё – старлей Лазаревич и матрос Боря Келлер, его одесский земляк. Остальные наши специалисты и рота морпехов, по предписанию властей уже на «Гидрологе». Лупо-Залупо потребовал от последнего русского корабля до ночи покинуть порт. Оно понятно, потомки работоторговцев вернулись, всякие там «Шелл», и получили ресурсы этой страны по дешевке; будет у нее почетное нижнее место в пищевой пирамиде, которую построил дядя Сэм; жизнь настанет веселая, но короткая, без бесплатных больниц и школ. Русские больше не нужны, да их и собственное командование отзывает... Не хотелось Лазаревичу думать об этом, но похоже что и в столичных кабинетах осторожных сменили трусы, а трусов – предатели. Нет у нас больше рубежа в Африке, да и зачем он, если уж Одессу и Крым сдали... да и в самой Москве чикагские мальчишки прямо делают то, что у Гитлера не получилось, страну кромсают, заводы и науку кончают...

Как и ожидал старлей Лазаревич, сборы обернулись жутким геморроем. Ведь еще надо понимать, что ты там пакуешь в ящики и укладываешь в машину – у него были списки и перечни – но как каждая штуковина выглядит, чем нужная штуковина отличается от ненужной хреновины?

Так, смотрим в перечень: гидроакустические антенны приемные и передающие. В первом случае это плоская решетка гидрофонов с добавлением десятиметрового кабеля, а во втором немаленький цилиндр с пьезокерамикой – с этим понятно, только не урони и не стукни. Далее пульт оператора, его еще различить можно. А вот элементы батитермического контроля – тьфу, не выговоришь, что это такое? И вот еще веселее: блок обработки информации. В этом блоке, как в хорошем торте, чего только нет, процессоры, коммутаторы, информационно-управляющие шины, генераторы сигналов, усилители излучаемого и принимаемого сигнала с цифро-аналоговым и аналого-цифровыми преобразователями, то есть ЦАП и АЦП. И как это дело выглядит? Всё, что есть в зале не сгребешь, ни времени, ни вместимости машины не хватит.

Однако как-то управились – хорошо, что Борис успел два года в одесском институте связи отучиться, прежде чем упёр что-то из институтской лаборатории и его срочно попёрли на выход. И на службе от этого матроса были проблемы – в прошлом году он в самоволку пошел; прыг с борта БДК в воду и поплыл, а его змейка морская куснула. Старлей Лазаревич не только незадачливого матроса вытаскивал и госпиталь ему выискивал, где могут реальную помощь оказать, еще и кровь ему свою на переливание давал, и в рапорте объяснял Борин подвиг совершенно случайным падением в воду. Хороший командир должен подчи-

² Черноморский флот

ненному заместо отца быть – пусть и разница у них всего несколько лет. Но вот сейчас Боря Келлер не сплеховал.

Выехали едва ли за четверть часа до того, как должны были пожаловать наемники, двинулись в сторону порта. Но уже на авениде Эдуардо Мондлане заметили хвост – здоровенный внедорожник.

А оружия у морпехов никакого, с этого года не положено. Если не бросаться какашками, то остается только шутки шутить.

– Это за тобой, Борис, едут? Может, девушка какая-то хочет познакомиться? Или бабушка с одним зубом, но большим. Тут, живут, кстати, самые качественные во всей Африке ведьмы.

– Нет, за вами, товарищ командир. Вы жених позавиднее. Ну, как, выходите?

– Нет, пожалуй, еще покатаюсь. Сейчас сверни направо.

Свернули, но маневр не сработал. В конце улочки их ждал массивный внедорожник. Наблюдение у цэрэушников на уровне, наверняка и спутники задействованы. А если глянуть в зеркальце заднего обзора, то позади обнаружится солидный пикап. На узкой улочке, где еще канава дренажная сбоку, заполненная малоприятной жижей, не развернуться и задним ходом тоже не выехать. Влипли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.